

Ценность заботы сегодня

Рецензия на монографию: Гройс Б. *Философия заботы* / пер. с англ. А. Фоменко. М.: Новое лит. обозрение, 2024.

Александр Писарев

Институт философии Российской академии наук (Москва)

E-mail: alex-pisarev@yandex.ru

Для цитирования: Писарев А. (2025). *Ценность заботы сегодня. Рецензия на монографию: Гройс Б. Философия заботы / пер. с англ. А. Фоменко. М.: Новое лит. обозрение, 2024* // *Patria*. Т. 2. № 1. С. 129–132.

doi: 10.17323/patria.2025.26592

The Value of Care Today

Review of the Monograph “Philosophy of Care”

Alexander Pisarev

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (Moscow)

E-mail: topisarev@gmail.com

For citation: Pisarev A. (2025) “The Value of Care Today. Review of the Monograph “Philosophy of Care””, *Patria*, vol. 2, no. 1, pp. 129–132.

doi: 10.17323/patria.2025.26592

Книга Бориса Гройса, философа, теоретика искусства и публициста, впервые была издана на английском языке в 2022 году и написана во многом по следам пандемии COVID-19, резко повысившей ценность труда заботы во всем его многообразии. У книги три опорные оппозиции.

Во-первых, антитеза между креативностью, идеология которой навязывается современными производственными отношениями и управлением, и заботой, которая повсеместна, но отнюдь не является центральной ценностью, а иногда и оттеснена в зону невидимости (забота о здоровье, детях, ремонт и обслуживание техники, сельское хозяйство). Эта пара дублируется в структуре общества и экономики: креативный класс, господство которого поощряется и легитимируется капиталом, и все остальные, занятые трудом заботы. Эта ситуация парадоксальна, отмечает Гройс, поскольку западная культура пронизана императивами заботы, а соответствующая индустрия развита как никогда, однако вовсе не забота находится на первом плане. Будучи традиционной ценностью культуры, обладая богатой и узнаваемой образностью, она, тем не менее, остается в тени.

Во-вторых — и это центральная проблема исследования Гройса, — оппозиция между двумя альтернативными ответами на вопрос, кто должен быть субъектом заботы: я сам или институты? В центре внимания автора, таким образом, находится подвижная граница между институционализированной заботой и институтами заботы: «Конфликт между агрессив-

ным самоутверждением и институциональной заботой представляет собой фундаментальную характеристику самой нашей культуры. Каждый находится в центре этого конфликта и должен выбрать сторону — либо найти срединный путь между ними» (с. 62). А потому забота обсуждается в разных культурных обличьях — и, главное, морально-политических формах, от солидарности до манипуляции.

В-третьих, разговор о заботе неизбежно замыкается на вопрос о теле и его судьбе, поэтому в размышлениях Гройса систематически возникает сюжет двойственности тела человека: физического и символического, естественного и исторического, животного и машинного, желающего и страдающего.

Упоминание заботы в философском контексте вызывает ассоциацию с экзистенциалом заботы у Мартина Хайдеггера. Ассоциация вполне уместная, тем более что Гройс прибегает к идеям немецкого философа. Однако он «приземляет» заботу, говоря о ней и как о фундаментальном для человеческого существования экзистенциале, и о разных ее эмпирических проявлениях. Фундаментальность проистекает из того, что люди как биологический вид не адаптированы к жизни в природных условиях — каждому индивиду требуются другие, чтобы выжить, чтобы узнать, что он может знать, что должен делать, на что ему надеяться и, в конечном счете, кто он такой и что он такое. Даже о своей смертности мы узнаём от других. Эта зависимость от других и, более того, их конституитивность для индивида — повторяющийся в философии Гройса сюжет, истоки и компоненты которого можно с легкостью найти у других философов, которых он обычно не упоминает, используя их идеи в обобщенном виде в качестве общих мест (оттого тексты Гройса хороши как сообщение важных для философии тезисов широкой аудитории, но обычно вызывают неоднозначное отношение у специалистов).

Прежде чем заняться этой проблематикой в ее современном изводе и изложить свои тезисы, Гройс дает обзор некоторых ключевых западных философов, релевантных проблематике заботы в модерном обществе. В его поле зрения попадают Сократ и Платон, Гегель, Ницше, Александр Богданов, Кожев, Хайдеггер, Арендт, Батай и Кайуа. Обсуждение их идей смыкается с комментариями к современным институтам заботы и практикам заботы о себе. К примеру, глава о Гегеле, помещая человека и его тело в контекст свершения истории, завершается вердиктом биополитическому государству. Будучи системой декларируемой заботы о здоровье граждан, оно на деле делает их больными. Если платоновская душа была заключена в тело, то постгегелевское тело заключено в своей душе, ставшей его символическим телом.

Гройс пишет: «Система заботы — это медиум, посредством которого осуществляется обмен веществ между социальным телом и природой» (с. 105). Индивид редуцируется к этому телу, становясь открытой территорией публичных дискуссий и манипуляций. Флагманом критики институционализированной системы заботы, по Гройсу, оказывается Хайдеггер. Подлинный способ существования *Dasein* предполагает, что оно живет исходя из себя в режиме заботы-о-себе, пребывая в своем мире, но

не контролируя его. Опасность возникает, когда Dasein пытается подчинить себе мир, в том числе прибегая к техническим средствам. Переключаясь в такую активистскую позицию, оно начинает понимать себя исходя из вещей мира и существовать в качестве одной из таких вещей, а потому попадает от них в зависимость. Однако достижение успеха в деле создания подконтрольной и опосредованной техникой среды жизни усугубляет проблему, ибо теперь человек становится элементом системы заботы. Хайдеггер сосредоточивает внимание на системе здравоохранения, которая одновременно заботится о здоровье человека — и убивает его мир и подлинный способ существования, превращая его в материал медицинской индустрии. Отныне человек — узник технологий. Более того, пишет Гройс, его тело и приватность отчуждаются институтами заботы. Это отчуждение причудливо: приватность теперь совпадает с публичностью, что наглядно воплощено в логике социальных сетей, которые являются одним из институтов заботы — заботы о сексуальной, социальной, политической, культурной и экономической жизни индивидов, но прежде всего об их деятельности по производству самих себя («самодизайну») в соответствии с образами, навязываемыми самими сетями. Это превращает тело индивида в произведение искусства, ждущее оценки (комментарии), восхищения (лайки) и заботы.

Искусство неслучайно возникает в этом рассуждении. Гройс известен прежде всего своими работами по теории и истории искусства, и в этой книге он не обходится без обращения к сюжетам из теории искусства. На этом пути он приходит к неожиданному тезису. В системе заботы человек превращается в реди-мейд. Напомню, реди-мейд в современном искусстве — это какая угодно вещь, перенесенная из повседневности в музейное пространство и объявленная искусством. Превращение в художественный объект лишает вещь ее изначальной функциональности. Например, конкретный писсуар до того, как стать «Фонтаном» Дюшана, был вполне функционален, и судьба его могла сложиться более прозаично. Однако художник перенес его в музей и объявил искусством; отныне писсуар существует как предмет искусства, а не как сантехника. Что характерно, такое изменение способа существования возможно только в музейном пространстве, то есть реди-мейд возможен только в институциональной рамке.

Нечто подобное, по Гройсу, происходит и с телом. В больнице, как и в музее, тело человека лишается социально-экономических функций. Вне контекста своих занятий это уже не трудящееся и социально ответственное тело, а ценный объект заботы. Такое превращение окончательно в конце жизни, когда способность трудиться и бороться утрачена. Это свидетельствует о том, что система заботы превосходит систему труда, а наша ценность измеряется не пользой, приносимой обществу, а нашим существованием, поскольку «вылечиться — не то же самое, что вернуться в рабочее состояние» (с. 100). Здесь с Гройсом сложно согласиться. Возможно, этот тезис верен для наиболее обеспеченных классов, но для большей части населения в эпоху радикального сокращения социального государства это едва ли так.

В российском обществе сегодня на разных площадках обсуждаются выведение заботы из зоны невидимости (например, признание домашнего труда трудом, заслуживающим оплаты), развитие практик заботы и устранение гендерного дисбаланса в этой сфере (например, изменение представления о заботе как преимущественно женском деле). Исследование Гройса — философский вклад в эти дискуссии и усилия разных акторов сделать заботу ценностью, хотя вклад и небесспорный и специфический.

Его можно упрекнуть в нередком для философов игнорировании философских и междисциплинарных дискуссий вокруг проблематики заботы и богатой литературы на эту тему. В оправдание автора можно сказать, что проблематика заботы — скорее оптика, через которую он рассматривает современное состояние западного мира и культуры. А при таком развороте книга Гройса будет интересна социальным философам, художникам, занятым социальной проблематикой, и просто широкой аудитории. Как видно, она носит скорее характер фланёрской прогулки: мелькающие сюжеты кратко окидываются взглядом, переходы между ними не всегда прозрачны. Однако в каждом из таких взглядов заложены идеи и интуиции, которые требуют развития. В этом плане «Философия заботы» относится к разряду тех книг, которые не столько сообщают проработанные и выверенные концепции, сколько провоцируют размышления, ставят вопросы: не *message*, а *massage*, если вспомнить маклюэновскую игру слов.